

важная роль отводится демагогии. Две значительные книги вышли в Греции за период порядков «католической Боллигуаи» — сборник стихотворений (выпущенный ограниченным тиражом за счет автора без права поступления в книжные магазины) Маркоса Авгериса¹ и сборник «Восемнадцать текстов». Стихи Авгериса — сопротивление методологии первого этапа, оно определило и стиль, и авторскую позицию неприятия фашистской диктатуры как исторического явления в целом. «Восемнадцать текстов» исходят из этой позиции как от необходимой предпосылки, однако направленность у них особая, продиктованная стремлением писателей ответить на новые, опасные тактические шаги режима. Поэтому многие «тексты» буквально обжигают своей актуальностью и конкретностью.

«Они заговорили, но вовсе не потому, что хотели объясниться. До сих пор они обращались со мной просто как с предметом, но, может быть, где-то в глубине души они ощущали потребность получить санкцию на свою деятельность от меня самого. Заговорил тот, с талантом графика. «Это пойдет тебе на пользу, — сказал он. — Наша идея...» Я не дал ему договорить. Хоть и поздно, я все-таки понял, что здесь происходит. И я сказал: «При всем моем восхищении вашей искусностью, позвольте мне верить, что вы абсолютно не в состоянии иметь идеи». (Т. Валтинос, «Гипс».)

Слова: «Вы абсолютно не в состоянии иметь идеи» — кульминационный пункт книги, приговор шумихе об «апрельской революции». Ничто так не захватывает чувства и мысли художника, как подлинная революция. Ее приближение он угадывает порою ранее многих других, и хотя целый ряд факторов может оказаться вне его поля зрения, он в силах отличить подлинные революции от революций, которые фабрикуются и рекламируются на страницах послушных военному режиму газет. Псевдореволюции, открывающей простор лжи и демагогии, он противопоставляет свою верность правде. Так рождаются книги типа «Восемнадцать текстов».

Помимо реакции на происходящее «Восемнадцать текстов» содержат еще и утверждение идеалов человечности и справедливости, которые, по мнению авторов, должны жить в современном обществе. С наибольшей динамичностью они проявляются в рассказах «Кандидат» Р. Руфоса и «Прокурор» Т. Д. Франгопулоса и в поэтическом цикле М. Анагностакиса «Цель». В стихотворениях Анагностакиса мы ощущаем неустанный и строгий контроль авторского сознания, исследующего человеческие принципы и претворение их в будничной жизни, проблемы сегодняшнего дня и человеческого бытия вообще, причем современные проблемы ставятся здесь с той высшей степенью конкретности, какую только можно выразить словами:

¹ Рецензия на эту книгу была опубликована в «Иностранной литературе» № 2 за 1971 г.

Важно, что говоришь с е й ч а с.
Недурно поели мы, недурно выпили,
недурно прожили до сих пор,
чередую промахи и удачи.
Важно, что говоришь с е й ч а с.

Слово «сейчас», напечатанное вразбивку, встает перед читателем, как перекресток, неизбежно требующий выбора, как голая, освобожденная от иллюзий дилемма. Есть у Анагностакиса и героин-указатели, люди двух категорий — те, что «снова в сторонке», и те, что «снова в неволе». Биография последних складывается из цепочки: Хайдари — Ай-Стратис — Макронисос — Итзедин¹, десятилетия в заключении и к сорока годам — полиартрит. Биография людей другой категории тоже отличается «последовательностью», приверженностью к осторожным поступкам, отмеченным печатью «ранней зрелости». На смерть одного из них — Лаврентиса — написано стихотворение «Надгробное»:

...Три речи господ вице-президентов,
семь адресов: похвалы за примерную
службу.
Ах, Лаврентис, только я, наверно, и знаю,
какой ты мерзавец,
фальшивый пятак, вся жизнь утонула
во лжи.

Покойся же с миром...

В конечном итоге все в этой жизни мы измеряем людьми. Идей, философии, религии, режимы, — верша свой суд над ними, мы стремимся узнать, как они формировали души людей и какими людьми формировались сами. О фашистской диктатуре в Греции писали и пишут политики, юристы, экономисты. Своеобразие художественного свидетельства заключается в том, что общую для всех тему оно освещает с тех сторон, которые отражаются в зеркале человеческих характеров. Диктатура и ее воздействие на души людей, диктатура и человек — таковы главные аспекты «Восемнадцати текстов», и, закрывая книгу, читатель с новой силой ощущает остроту своей непримиримости с фашистской диктатурой.

М. АЛЕКСАНДРОПУЛОС

АНТОЛОГИЯ НОВОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ

Erfahrungen. Anthologie. Herausgegeben von Harald Korall und Werner Liersch. Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1969.

В этой антологии, озаглавленной емким и многозначным словом «Опыт», представлена современная проза Германской Демократической Республики. Здесь собраны образцы немецкой новеллы за последние двадцать лет. Этот серьезный замысел в целом успешно осуществлен составителями (молодым писателем Гаральдом Кораллом и известным литературове-

¹ Названия греческих тюрем и концлагерей.

дом Вернером Лиршем). Можно спорить о частностях, но главное удалось бесспорно.

Все рассказы книги уже печатались, а некоторые уже переведены и у нас. Исчерпывающе проследить судьбу жанра по одной, даже содержательной книге невозможно. Но эта книга, как мы увидим, свидетельство редкого художественного разнообразия новой немецкой прозы и вместе с тем — живая страница из истории немецкого языка. О том, что он значит для авторов антологии, трудно сказать точнее и прекраснее, чем сказала Анна Зегерс в своем давнем, времен эмиграции, романе «Транзит» устами молодого героя: «... я чувствовал, что это был... мой родной язык, и он был нужен мне, как молоко младенцу. Слова не скрипели, не скрежетали, как убийственные приказы, гремевшие из глоток нацистов, как низменные клятвы в повиновении... они были серьезны и тихи. Я узнавал слова, которые говорила моя бедная мать, чтобы меня утихомирить, если я был жесток и зол, чтобы усмирить меня, если я лгал и буянил». Это целомудренное признание в любви может войти в будущие хрестоматии, как у нас стихотворение Тургенева «Русский язык». Читая антологию новой прозы, невольно вспоминаешь его, слушая язык, очищенный от «низменных клятв» и «убийственных приказов» и в лучших рассказах — у Мундштока и Фюмана, Бобровского и Штриттматтера, Хермлина и Кунерта, у самой Зегерс — засиявший новым блеском.

«Поединок» Анны Зегерс¹ мог бы, по существу, открывать эту книгу. В том поединке, который ведут за небольшую группу рабочих на подготовительных курсах физик Винкельфрид, недавно сотрудничавший с нацистами, а теперь с поразительной легкостью приспособившийся к новым временам, и молодой, самоотверженный инспектор Карл Бётхер, легко узнаются драматические конфликты первых послевоенных лет. Курсы расположены в старом замке; стоит отметить, с какой точностью, немногими штрихами изображен и этот замок, и парк с каштановыми аллеями, и груды листьев, и скульптуры в саду. Анне Зегерс не нужно много слов, чтобы мы могли увидеть своими глазами и слушателей этих курсов, с их особыми приметами и характерами. Бётхер, одержавший моральную победу над своим противником, доказавший, что рабочие способны усвоить науку, — это один из тех новых героев, которым современная немецкая проза уделяет такое пристальное внимание; в «Поединке» запечатлена та историческая минута, когда этот новый герой впервые вступает в действие.

Среди новелл о современности выделяется рассказ молодого автора Вернера Бройнига «Обыкновенные люди». Это бесхитростно переданная история большой стройки, преобразующей захолустный немецкий

городок (притом история, несколько перегруженная подробностями и временами граничащая с хроникой). Об этом не раз писала послевоенная проза. Но при внимательном чтении рассказа выясняется, что Бройниг куда более оригинален, чем кажется. Бывший рабочий, он знает труд не понаслышке; и в самой атмосфере рассказа, в поступках героев ясно ощущим бескорыстный накал труда, фанатическое рвение к работе. Бройнигу мешает эскизность и излишняя скупость в изображении людей; но примечательна свобода его молодых героев от шаблонов и фраз.

Герой рассказа молодой инженер Штюц связывает свою судьбу с дочерью бывшего нациста, сурово наказанного после 1945 года (о том, как Адель сумела преодолеть эту травму детства и найти место в жизни, рассказано кратко, но убедительно). Характерно и то презрение, с которым Штюц говорит о своем институтском наставнике доценте Фрёбе, внушавшем студентам, будучи эпоха требует от нас помпезной архитектуры, превосходящей по грандиозности памятники «всех времен и народов».

Подобная нелюбовь к патетике чувствуется и в небольшой юмореске Эрвина Штриттматтера «Электрический ток». Очень живо, красочно и даже забавно здесь говорится о серьезных событиях: как провели на заброшенный хутор электричество, как обрадовался этому старый труженик Адам. «Керосиновые лампы светят как нельзя сильнее и даже коптят от усердия, но где же им тягаться с маленькой электрической грушей!.. Электрическая лампа, словно комнатное солнце, все побеждает». Старый Адам счастлив; но, лукаво замечает Штриттматтер, в «деревне таких слов не говорят, здесь не кидаются высокими словами, словно червивыми сливами. Старый Адам просто крепок и очень любит жизнь». Свойственное автору фламандское изобилие живых подробностей и умение «говорить истину с улыбкой», как выражались античные поэты, придает рассказу особый жанровый колорит и особую привлекательность.

И все же в обоих рассказах внешняя правда событий несколько теснит внутреннюю, характеры героев, бесспорно интересные, так и остаются живым красочным пятном, и мы почти не видим их в развитии.

Иначе ведет свой рассказ поэтесса и новеллистка Маргарета Нейман («История Лены Бастиан»). История любви поведана здесь с тихой сосредоточенностью, краски отличаются даже благородной блеклостью, как на старинных гобеленах; интимное не утаено и передано без ханжества, но и без малейшего нажима. Черты времени и тут очень отчетливы: солдатская жена Лена Бастиан, которая не видит причин сгидиться своей «незаконной» любви к батраку Францу, и ее муж, молодой, самовлюбленный солдат гитлеровского вермахта, воз-

¹ См. журнал «Иностранная литература» № 12 за 1966 г.

вращающийся из плена,— в их судьбах по своему отражаются и судьбы немецкой деревни послевоенных лет, перемены в жизни которой обозначены в рассказе множеством точных примет. Но облик героев в этой новелле выясняется не сразу, а лишь постепенно, в действии, их чувства переданы глубже. Муж Лены в плену наконец понял, что сражался за несправедливое дело, но он не может вернуть ее любовь и на наших глазах в финале становится трагическим героем.

Особой драматической силой и разнообразием художественных приемов отличаются рассказы о прошлом, в большинстве связанные — так или иначе — с темами нацизма и войны. Каждый из писателей нашел свой, оригинальный аспект этой темы. Зловещий гротеск Гюнтера Кунерта «История одной улицы», несомненно, близкий к прозе немецкого экспрессионизма и еще больше к некоторым притчам Кафки (что вовсе не отменяет ни разницы мировоззрений, ни язвительной идейной полемики с Кафкой в стихотворении Кунерта «Фрагменты к фрагментам писателя Франца К.»¹), ничем не напоминает страстной антифашистской новеллы Карла Мундштока «До последнего солдата» с мучительными и кровавыми подробностями боев в Норвегии и быта фашистского вермахта и открытым, драматическим разрешением конфликта в смертельном поединке героя со своим врагом, нацистским обер-егерем Вейсом.

Гюнтер де Бройн, рассказывая о мальчике, на детство которого упала тень «третьей империи», не выходит из сферы буден и вводит тему фантазии и мечтательства только для иронического и беспощадного контраста.

Напротив, Стефан Хермлин в новелле «Лейтенант Йорк фон Вартенбург», которую поэт Рудольф Леонгард сравнивал с лучшими новеллами Гофмана и Мериме, погружает нас в атмосферу пророческих снов, почти неотличимых от яви. Обреченный боец Сопротивления перед казнью во сне видит себя победителем; здесь ему сторицей возмещается то, в чем реальная жизнь ему отказала. Но в этом сне зримо воплощается та сила его духа, которая не умрет бесследно вместе с ним; и рассказ становится «метафорой героических устремлений» (выражение Гёльдерлина).

Уже из этих кратких замечаний ясно, какие подлинные художественные богатства накоплены за эти годы и отобраны в этой антологии, приуроченной к двадцатилетию со дня провозглашения Германской Демократической Республики. Между тем мы еще не упомянули и выдающуюся по своим достоинствам новеллу Франца Фюмана «Богемия у моря» (в названии варьируется образ из шекспировской «Зимней сказки»), и простонародную лужицкую хронику Юрия Брезана «Как Старая Янчова воевала с начальством», подкупающую лубочной яр-

костью, и единственный в сборнике исторический рассказ — «Бёлендорф» Иоганнеса Бобровского, воскрешающий трагический облик немецкого якобинца, друга Гёльдерлина, сохранившего и во времена Священного союза европейских монархий верность принципам 1793 года.

Знаатоки литературы особо отметят разнообразие повествовательных форм в этой антологии: от классически строгой новеллы (в духе Клейста — у Зегера, в духе Шторма — у Маргареты Нейман) — до забавного анекдота (у Штриттматтера); от внутреннего монолога, целиком господствующего в точном психологическом этюде Ирмтрауд Моргнер «Белая пасха», до сложных «симфонических» форм, разработанных поэтами, пишущими прозу: Хермлином, Бобровским, Фюманом, где принцип повествования все время меняется, мысли или видения героя резко вклиниваются в ход рассказа, прошлое неотделимо от настоящего, реальность — от вымысла. Во всех этих случаях мы отдаем должное выбору составителей. Впрочем, есть и досадные промахи: явно недописан рассказ В. Кольхаазе «Девушка из города П.», где из-за крайней недостоверности примет места и времени и инфантильности повествовательного тона антифашистский замысел попросту повисает в воздухе. Герман Кант представлен ранним и, видимо, автобиографическим этюдом о детстве, написанным не без изящества, но все же легковесным.

Закрывая книгу, мы думаем не об этих частных неудачах, а о серьезных результатах двадцатилетней творческой работы. Перед нами предстает искусство прозы в движении.

Г. РАТГАУЗ

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДРУЖБЫ

Augustin Deac, Teodor Pinteana. Poezii muncitorești revolutionare din România (1872—1944). București, Minerva, 1970.

Интерес к изучению рабочей революционной поэзии в Социалистической Республике Румынии возник давно. Многие годы продолжалась работа литераторов, историков, архивистов по разысканию новых материалов. Первые публикации были сделаны в 1946—1947 годах в сборнике «Поэзия труда и свободы» и в антологии «Социальная румынская поэзия». И теперь появился большой том, охватывающий более полувека существования революционной поэзии в Румынии.

Это были трудные годы в истории румынского народа. Трудные, но озаренные надеждой на победу.

В некогда глухом уголке Европы тлело пламя будущего революционного пожара.

¹ См. «Иностранную литературу» № 10, 1964.